

Цинь Цзюэ не обратил особого внимания, просто взял дезинфицирующее средство и ватные палочки, присел на корточки, поставив стеклянную бутылку на пол, от чего раздался легкий звон.

— Раздевайся.

— А?.. Что?

— Как ты хочешь обработать рану, не сняв штаны?

— Цинь-гэ, камера... Камера же ещё включена! — Хао Ляньцин так заикался, что его лицо покраснело до предела.

Цинь Цзюэ тяжело вздохнул:

— Молодёжь... В такую холодину только джинсы надеть. Ладно, закатай штанину.

Они попытались закатать штанину, но оказалось, что это невозможно, и, потревожив рану, Хао Ляньцин закричал от боли.

В конце концов не оставалось другого выхода: камеру повернули в другую сторону, Хао Ляньцин снял джинсы, накрыл бёдра одеялом, убедившись, что ничего лишнего не видно, и только тогда камеру вернули на место.

Мальчишка смущённо закрыл лицо руками:

— Цинь-гэ, хватит смеяться!

Цинь Цзюэ, не стесняясь, сел на пол, скрестив ноги, разложил перед собой инструменты и произнёс:

— Лао Пэй, подойди, посмотри... — Он не успел закончить, как вдруг запнулся и перешёл на северо-восточный диалект:

— У парня коленка вся в царапинах, кость цела?

— Что с костью??? — В наушниках оператора раздался крик режиссёра.

— Должно быть, всё в порядке. — Великий актёр Пэй тоже присел на корточки, но, в отличие от Цинь Цзюэ, который сидел на полу с непринуждённой лёгкостью, он встал на одно колено, держа спину прямой, создавая атмосферу сдержанного и властного генерального директора.

Руки Пэй Ваншэна были большими, пальцы — длинными. Указательным пальцем он прикоснулся к подколенной ямке, а большим аккуратно прощупал область вокруг колена, в конце концов надавив на рану, в которую попал песок, от чего Хао Ляньцин закричал.

— Кость не смещена, максимум ушиб мягких тканей.

Цинь Цзюэ показал большой палец вверх, а затем, чтобы успокоить мальчишку, подул на рану:

— Не бойся, самое болезненное ещё впереди.

Хао Ляньцин мысленно поставил огромный вопросительный знак.

Перекись водорода, нанесённая на ватную палочку, выглядела безобидно, но, как только она коснулась раны, сразу же появилось множество пузырьков, создавая впечатляющую картину, и мальчишка кричал не менее впечатляюще.

Обработав рану перекисью дважды, чтобы смыть песок, Цинь Цзюэ использовал йод для дезинфекции раны и окружающей кожи.

— А... А бинтовать не будем?

— Подержим открытым, потом забинтуем.

К счастью, Хао Ляньцин повредил только одно колено, второе было просто в синяке. В такую погоду можно было приложить холодное полотенце.

— Не холодно? — Цинь Цзюэ взялся массировать колено мальчишки, но его руку перехватила другая.

— Я сделаю это. — Голос Пэй Ваншэна звучал холоднее, чем полотенце на колене, но его профессиональные движения, массирующие суставы и мышцы, создавали впечатление надёжного и сдержанного человека.

Когда Пэй Ваншэн закончил, Цинь Цзюэ взял бинт, чтобы перевязать рану, но не успел приступить, как бинт забрал Пэй Ваншэн.

Будь то отрезание куска бинта, смачивание его йодом и наложение на рану, или сама техника бинтования — всё было настолько профессионально, что создавало ощущение работы медика.

— Спасибо, Пэй-гэ. — Мальчишка вежливо поблагодарил, взял лежащие рядом штаны и с недоумением уставился на дырку.

Дырка была результатом творчества Цинь Цзюэ, который от скуки решил «украсить» джинсы Хао Ляньцина, вырезав аккуратный квадрат, открывающий перевязанное колено, чтобы предотвратить размножение анаэробных бактерий.

— Этот дизайн классный. — Хао Ляньцин не упустил возможности похвалить, даже заметив, что углы квадрата были закруглены, чтобы дырка не расширялась.

— Не забудь сделать укол от столбняка, когда будешь в больнице. — Цинь Цзюэ, убирая медицинский набор, вдруг улыбнулся:

— Укол от столбняка болезненнее обычного, не кричи внезапно и не пугай медсестёр.

— Цинь-гэ... — Хао Ляньцин чуть не заплакал, но, увидев, как Цинь Цзюэ отвернулся и засмеялся, понял, что это шутка, и с обидой повторил:

— Цинь-гэ.

— Эй-эй, ничего страшного, вместе с пробой это всего два укола.

— Цинь-гэ!!! — закричал Хао Ляньцин. — Ты просто пугаешь меня.

Цинь Цзюэ потрепал его по голове:

— Так боишься боли?

— Не то чтобы. — Мальчишка надул губы, что-то бормоча, но его слова было трудно разобрать.

Пэй Ваншэн забрал у Цинь Цзюэ вещи, его голос звучал безэмоционально:

— Иди сначала помой руки.

— Хорошо. — Цинь Цзюэ немного задумался. Почему-то казалось, что у кого-то плохое настроение?

Хм, он действительно не мог понять Пэй Ваншэна в молодости.

Цинь Цзюэ вдруг задумался об этом. Он провёл в индустрии десять лет, прежде чем смог подняться, и сблизился с Пэй Ваншэном лишь спустя несколько лет.

Пэй Ваншэн — человек, который любил актёрское мастерство больше жизни и был скромнен. С самого дебюта он достиг вершины, и никто в индустрии не мог с ним сравниться. До того как они полюбили друг друга, о нём не ходило никаких слухов. Будучи старшим сыном в семье, связанной с аристократическими узами, он был несколько консервативен.

Мама Пэй была права, этот парень был как дерево — он даже не знал своей ориентации, не говоря уже о том, чтобы понять, что влюблён. В своё время Цинь Цзюэ приложил немало усилий, чтобы заставить это железное дерево зацвести.

В то время закон о гомосексуальности уже действовал более десяти лет, и общественное восприятие было иным, чем сейчас, когда он только начал формироваться. Тысячелетняя культурная традиция, заложенная в костях, даже если люди спокойно относились к чужой ориентации, когда дело касалось их самих, всё могло быть иначе.

Вдруг сейчас Пэй Ваншэн ещё не до конца принял это, и чрезмерная близость может отпугнуть его в обратную сторону...

Например, только что Цинь Цзюэ немного переступил границы с Хао Ляньцином, и Пэй Ваншэн сразу же напомнил ему о дистанции — возможно, это было проявлением неприятия гомосексуальности.

Или, может быть, он боялся, что это плохо скажется на их имидже? Ведь они сейчас в отношениях ради пиара.

Ах да, они сейчас в отношениях ради пиара!

Цинь Цзюэ горько усмехнулся. Ему пришлось притворяться, что он в хороших отношениях со своим будущим мужем — что за дела?

Нынешние фанатки считали, что если два человека появились в кадре вместе, значит, они уже женаты. Если бы они вели себя так, как сейчас, фанфики могли бы заполнить три улицы на фестивале.

Цинь Цзюэ был в замешательстве — он до сих пор не привык к своему молодому телу. По возрасту, который был у него до перерождения, Хао Ляньцин мог бы быть его сыном.

В его годы старшие могли похлопать младших по голове, пошутить — это считалось бы поддержкой, ведь он действительно симпатизировал этому мальчишке. Но когда два человека одного возраста вели себя так, это выглядело как флирт.

Эх, неужели Пэй Ваншэн действительно боится гомосексуальности?

Цинь Цзюэ решил проверить, протянул руку и обхватил запястье Пэй Ваншэна:

— У тебя тоже руки в лекарствах, пойдём, помоем.

— Хм. — Пэй Ваншэн сухо ответил и незаметно высвободил руку.

Неужели действительно есть признаки? Может, я слишком его заигрывал в последнее время?

Туалет находился в другом конце коридора, и всю дорогу они шли молча, атмосфера была немного напряжённой. Раньше Цинь Цзюэ умел хорошо ладить с Пэй Ваншэном, но это было основано на том, что тот его любил. Теперь, когда он оттолкнул его в противоположную сторону, даже Цинь Цзюэ почувствовал себя в затруднительном положении.

Как с этим справиться?

Воспользовавшись тем, что вокруг никого не было, Цинь Цзюэ заговорил:

— Учитель Пэй, ты выглядел так профессионально, у тебя в семье есть врачи?

Голос Пэй Ваншэна слегка смягчился:

— Мой дядя и его семья поколениями занимаются медициной. В детстве, если были ушибы, я ходил к дяде, чтобы он мне помассировал, и со временем научился сам.

Цинь Цзюэ воспользовался моментом, чтобы усилить симпатию:

— Правда? Учитель Пэй, тебе в детстве было так тяжело?

Хотя он уже знал это, он взял руку Пэй Ваншэна и слегка сжал:

— Должно быть, было больно.

Рука не отстранилась, и, пока Цинь Цзюэ мягко массировал её, атмосфера стала теплее, словно они снова вернулись к тому времени, когда понимали друг друга без слов.

— Когда-нибудь научи Ван Юэюэ, у неё в последнее время болит шея из-за съёмок.

Рука Пэй Ваншэна дёрнулась, и он резко отстранился.

Хотя его голос звучал холодно, он ответил:

— Хм.

Цинь Цзюэ промолчал.

Мужчина не любит, когда девушки дарят ему подарки, и не понимает намёков? Что же ты любишь? Желе из фруктов?

Атмосфера снова стала холодной. Пэй Ваншэн долго молчал, прежде чем выдать:

— Просто, возможно, у меня не будет времени её учить.

Цинь Цзюэ снова промолчал.

— У неё, возможно, не хватит сил, чтобы массировать.

Цинь Цзюэ продолжал молчать.

- Авторское примечание: «коленка вся в царапинах» — фраза на северо-восточном диалекте, означающая «коленка вся в царапинах»
- Традиционные методы перевязки действительно способствуют заживлению глубоких ран лучше современных пластырей
- В тексте упоминается закон о гомосексуальности, действовавший более десяти лет на момент событий

<http://bllate.org/book/16386/1483523>